

традиции, уделялись только рамка и поля вокруг главного цикла (с фигурами), расположив фигуры и сцены по краям цикла с животными. При этом большая часть мотивов с людьми, как и в Палермо, оказалась включенной в этот цикл фигур и сцен, более или менее потерялась в ней, тогда как цикл фигур и сцен, из которых одни занимают верхний край (сверху стены) скульптурных композиций, а другие — их нижний край (святые нижнего пояса), посвящен христианским сюжетам (более или менее выраженного аполлопанического свойства), к которым только пристегнуто из светского цикла вознесение Александра Македонского. Другими словами, во Владимире мы находим все то же положение с чередованием главной темы, развиваемой в центральной зоне, и второстепенных тем, которым посвящены бордюры. Но только главное и второстепенное поменялись местами. Так как этот вариант предоставлял преимущество декоративному (включая зверей) и уделял мало места темам христианского цикла, он имел мало шансов на продолжительный успех у церкви. Лучшее доказательство этому мы находим в юрьевских рельефах: церковные сюжеты там уже гораздо более многочисленны, они даны в значительно больших пропорциях и — главное — все темы прежнего светского цикла переработаны в чисто орнаментальном направлении и сведены к декоративному фону в виде ковра. Те же и другие звери, птицы и чудовища показаны в нем по-прежнему, но это всего лишь мотивы декоративных композиций, приспособленные для украшения порталов, стен, капителей и т. д.

Можно, таким образом, сказать, что каждый из этих памятников дает иное соотношение между традиционными элементами, но самые эти элементы находятся везде, хотя к концу рассматриваемого периода античная традиция светских циклов под руками русских мастеров-каменотесов становится менее заметной из-за их собственных вкусов и под влиянием духовенства. Нужно, правда, признать, что идея привлечения этих светских изображений к декорации фасадов или лестничных клеток церквей была довольно необычна. Она могла зародиться только в Византии, с ее особыми условиями смешения дворца и церкви. Вне Константинополя эта традиция должна была везде подвергнуться неизбежным изменениям. Русские памятники XI—XIII вв. это подтверждают вполне, удивляя нас скорее тем, как медленно эта традиция светского искусства угасала на чужой почве и как много извлекли из ее данных русские скульпторы, несмотря на все своеобразие их собственных вкусов и техники.

Предметы из металла и миниатюры

Среди других категорий произведений светского искусства, которые следует упомянуть в связи со «Словом о полку Игореве», наиболее интересны некоторые предметы из золота и серебра и известные серии миниатюр в рукописях. Здесь и там появляются те же изображения, которые мы наблюдали в монументальном искусстве: они взяты из тех же дворцово-светских циклов. Но большей частью на этих маленьких предметах и на страницах книг воспроизведены только отдельные мотивы или небольшие группы сюжетов этих серий, так что принадлежность их к какому-то установленному циклу может легко ускользнуть от внимания тех, кто рассматривает эти памятники отдельно, вне связи с монументальным светским искусством. Это наблюдение подтверждает наше общее убеждение в устойчивости и организованности этой светской ветви русского домонгольского искусства.

Судя по числу сохранившихся предметов женского убора (венчиков, оплечий, серег, браслетов, колец и т. д.), вышедших из русских, вероятно